

ЗРИТЕЛЬ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДЪЛЬНО.

1905.

Ил. А. Водкина. (Тиллокс)

Вѣнцы смерти.

ЗАКОННИКЪ

— Митюха! А, Митюха! Ты спишь?
 — Ты меня не тронь! Я лежу и думаю...
 — Ишь, чѣмъ заниматься сталъ! Господское это дѣло! Не по носу оно тебѣ...
 — А я все-таки думаю и думаю! И думаю я, почему такое урядникъ—ваше благородіе, попъ—ваше преподобіе, а мы съ тобой—сукіны дѣти и больше никакихъ...
 — По закону, братъ, такъ!
 — Да ты врешь все!
 — Я-то? Николи! Я всѣ законы знаю, потому какъ я въ городѣ цѣлое лѣто работалъ и на банкирскомъ домѣ крышу мазалъ...
 — Хоша ты крышу и мазалъ, а насчетъ законовъ это ты врешь. Ты въ прошломъ годѣ пришелъ изъ города и пошелъ хватать, что дескать вышелъ законъ, чтобы насъ, мужиковъ, больше пороть не смѣли, указъ такой отъ начальства произошелъ...
 — Произошелъ! Вотъ те хрестъ, произошелъ...
 — Одначе, тебя сейчасъ же за это и выпороли?
 — Мало-бы что выпороли! Это отъ беззаконія! Это не штука—взять, портки спустить и выдрать! Это всякій можетъ! А ты вотъ попробуй, чтобы по закону...
 — Да вѣдь тебя земскій начальникъ дралъ?
 — Ну, земскій!
 — Законный онъ али нѣтъ?
 — Земскій—то? Гм... Ежели спереди, такъ законный, а ежели сзади, такъ его и не разберешь... У законныхъ людей—пуговицы свѣтлыя! Да къ тому-жъ и жалованье идетъ!
 — Ну, то-то и есть! Вотъ тебѣ и законы...
 — Это не важность, что меня выпороли. Скоро я ихъ самъ пороть буду...
 — Что—о?
 — Пороть буду я! Всѣхъ пороть: и благородій, и преподобій, и всякихъ, которые въ чинахъ!
 — Ну, ты... тово... помалкивай!
 — Анъ да! Слышалъ про новый законъ?
 — Какой еще?

— Про государскую думу? Ну, такъ вотъ слушай! Будетъ такая дума, гдѣ насъ, мужиковъ, будутъ чаемъ подчевать...

— Ну-ну... Не завирайся!

— Увидишь! Придемъ мы въ эту думу, а тамъ это бархатные диваны кругомъ, зеркала это, небель такая пуховая! Придемъ мы въ думу, а намъ сейчасъ жалованье, ей-Богу! Самое настоящее жалованье: по десяти рублей на день...

— Эй, ты! Не завирайся!

— Слушай! Я взаправду вѣдь! Какъ день прошелъ, такъ тебѣ десять цѣлковыхъ. Получай—не хочу!

— Притвори дверь-то! Чудакъ человекъ! Услышатъ!

— Пусть услышатъ! Я взаправду! самъ читалъ! И такъ круглый годъ... А потомъ придутъ министры разные. Придутъ, отдадутъ честь. А мы имъ: «А скажите тамъ, такіе—сякіе, а почему вы войну проиграли?» А они намъ: «Пардонъ, молъ!» А по какому праву Аксиньиного мужа въ солдаты забрали? а? Тотъ намъ въ ноги! Али: а почему помѣшничій скотъ черезъ мое поле ходить? а? А они тебѣ опять въ ноги! А потомъ чаю принесутъ, пить заставятъ! Это ужъ такой законъ! Хочешь—не хочешь,—пей и непременно въ накладку. Самъ пьешь, а самъ приговариваешь: Ахъ вы такіе—сякіе, господа министры! А почему у насъ на деревнѣ скотъ падаеть? А почему голодь есть? А куда наши деньги дѣваются? А почему земли у насъ мало и кормиться нечѣмъ? А почему у васъ, генераловъ, пузо отросло до самага дивана? И пойдемъ, и пойдемъ...

— Постой! Погоди!..

— Чего ждате-то? Ты мнѣ отвѣтъ держи! А зачѣмъ вы моего брата-солдата въ народъ стрѣлять заставляете? А покажите, какой такой законъ на это? Тутъ министръ штаны спуститъ и молвитъ: „Порите, молъ, меня“...

Слушатель сорвался съ мѣста, поглядѣлъ безумными глазами на рассказчика и бросился вонъ изъ сарая:

— Карау-у-у-ль! Помогите!..

ЧУЖЬ-ЧУЖЕНИНЬ,

И. И. Фомин (Масант)

Сердце приехал. ит.п. Николаю II (Сокрушил злодеев — от всего сердца) и т.п.

Магъ Витте сидящій на урѣхъ благовои́й въ знакъ полнѣйшей расположенности и искреннѣйшаго добра къ кому-то, держитъ чье-то многострадальное сердце пы-

лающее пламенемъ багровымъ. Купиши принадлежать по все́мъ вѣроятіямъ, анархистамъ не жалующихъ своихъ женъ и дѣтей.

Витте (Милитаризм)

ИСКРЫ

Изъ агентскихъ телеграммъ.
Забастовали младенцы, кричатъ — долой ромашку!

Порядокъ возстановленъ безъ употребленія оружія.

— Говорятъ военнымъ судамъ скорости не доставало, узловъ дѣлали мало...

— А петель достаточно.

— Слышали, кабинетъ устраиваютъ...

— Уединенныхъ размышлений?

— Нѣтъ, совмѣстныхъ обсуждений.

Въ клиникѣ.

— Куда это спѣшите, на роды?

— Кесарево сѣченіе будетъ.

— Что это, порядокъ развѣ? Дохляя кошки по улицамъ валяются...

Дворникъ. А чѣмъ не порядокъ? Вотъ ежели

безпорядокъ, значитъ, такъ не кошки стану́тъ валяться...

На балу.

— Какъ гурия изъ магометова рая!...

— Ну, батенька, нынче и съ Гурией не рай.

Въ Саратовской аптекѣ.

— Дайте гермогена.

— Гематогена, вы хотите сказать?

— Нувсервно. Однимъ словомъ, что кровь пьютъ.

Въ музыкальномъ магазинѣ.

Приказчикъ. Вамъ гармонію? съ русскимъ строемъ?

Покупатель. Какая ужъ тамъ гармонія съ русскимъ строемъ...

У кого султанъ, а у насъ махоръ.

МСТИСЛАВЪ.

И. И. Фалеев. (Милитаризм?)

рисуюнок изображает кою съ греческой вазы—найдена при раскопкахъ прошлаго и, надо дѣйствительно удивляться проникновенности тѣхъ художниковъ, которые за много столѣтій уже предвидѣли: ботфорты, знаки отличія, шоры, крахмальные воротнички и другія великія изображенія цивилизаціи. Сначала на ри-

сункѣ изображены сапоги, звѣзды п только; но всѣмъ вѣроятіямъ время стерло въ этомъ мѣстѣ всякое подобіе человеческое; далѣе изображена голова какого-то нахала, показывающаго кому-то носъ, по всѣмъ вѣроятіямъ — себѣ; ниже бубновый тузъ, обшитый кружевами; затѣмъ дерево познанія добра и зла и вмѣсто

фрукта на немъ, какъ чудо природы, зрѣетъ барашковая шапка, ниже два кулака и русскія сапоги—символъ власти и твердой поступи. Еще далѣе туловище безъ головы, но въ выскомъ крахмальномъ воротничкѣ. Надо думать, что голова отшлена, но сердце не перестаетъ дѣйствовать, что и видно изъ многозначительно

Душеспасительная картинка.

Отъ І. Кроунтадскій забылъ въ горюгѣ, облатомъ пламенемъ, митру, вышитую ему К. П. Побѣдоносцевымъ. (Изъ газетъ).

Ночь. Лампады теплятся...
Миръ и тишина...
Тихимъ—благолѣпиемъ
Горница полна...

У окна за пяльцами—
Оберъ—прокуроръ,
Впавшій во младенчество
Уже съ давнихъ поръ.
Отъ трудовъ правительства
Тихо онъ почилъ:
Не жалѣлъ измѣнниковъ,
Сожигалъ, душилъ.
Нынѣ рыцарь святости
Душу сталъ спасать:
Бисеромъ по бархату
Митры вышивать...

Шьетъ до поздней ноченьки
И мольбу творить.
О—бокъ съ нимъ монашенка
Въ клубокъ сидитъ...
Старецъ государственный
Мастерить иглой...
Экій мытарь праведникъ,
Съ ангельской душой...
Ночь. Темно. Зѣвается.
Отъ лампадокъ гарь...
Шьетъ его святѣйшество—
Оберъ—пономарь...

поднятого указательного пальца — хотя это может быть отнесено к двум прекрасным фуриям, несущим гирлянду лавровых листьев и урну с ароматами. Ниже химера, которую вначале впрочем одна из двух граций, поддерживающих на дутом пьедестале господина в котелке и почему-то одэтаго балери-

ной—готового выкинуть этак что-нибудь сверхъестественное. Быше снукающаяся куропатка, а затем господня, во уже с головой, в совершенно непонятной позе (идиот наврно). За ним засыхающее дерево плодородия, потом волшебный стрелок, у которого лань, как символ виновности и чистоты, съедает фи-

говый лист и гым обнажает его; дайте как-то темныя личности и сверкающие кулаки надрываются над зайцами, убгающими от оравленныхх стрел волшебника. Вь концѣ ужасная харя, со свиткомъ, видимо очень довольная вѣсьм проиходящимъ торжествомъ.

Прежде и теперь.

„Конституція церкви нетреть!
Конституція бред несомнѣнный!
Порожденье бѣсовскихъ затѣй...
Еретичество, грѣхъ дерзновенный...
Слышь, Синодъ! Ты посланье составь:
Изложи все отъ строчки до строчки,
Слово божье возьми на прокатъ,
Переставь запятая и точки...
Понимаешь? Да что объяснять!
Словомъ божимъ не брезгуй лукаво!
Маршь, смиренные слово писать!
Шагомъ маршь! А Всевышнему—слава!»..

* * *

И смиренные пишутъ отцы:
„Конституція —бѣсу угодна!
Отслужить панихиды по ней
И о томъ объявить всенародно!»

* * *

„Секретарь мой, Тернавцевъ лихой!
Я—начальство, я князь Оболенскій:
Мы совмѣстно должны обсудить:
Не созвать ли соборъ намъ вселенскій?
Позови-ка смиренныхъ отцовъ:
Пусть заморское хвалятъ устройство...
Слово божье возьмутъ на прокатъ:
Это-ль нашимъ отцамъ въ безпойство?!
Конституція—благо души!
Изъ священныхъ преданій примѣромъ
Пусть посланье подкрѣпятъ они...
Ну, маршь-маршь! За работу! Карьеромъ!»

* * *

И смиренные пишутъ отцы:
„Конституція—Богу угодна!
И молитвы о благодти сей
Пусть возносятся въ церквахъ всенародно!»

И. И. Фролов (Мас) СЕ—ЛЕВЪ

Пѣсня о трехъ соколахъ.

Во Черниговъ, во Саратовъ, во Тамбовъ
Выпускали изъ столицы соколѣвъ.
А тѣ соколы вояки христіанскіе,
А на нихъ мундиры адъютантскіе.
Наказали имъ въ губерніи
Водворить покой примѣрнѣе,
Останавливать изданія,
Угашать всѣ начинанія,
Даже—эхъ вы, незадачные!—
Прекращать питыя кабачныя
Властью свыше полномочены.
Тесаки у нихъ отточены,
Къ ихъ услугамъ вся полиція
И „народная милиція“,
Что толпою непокорною
Прозвалася «сотней черною»...
Адъютанты генеральные
Происшествія скандальныя
Успокоить отпавляютъся,
Самовластьемъ начинаютъ,
Аксельбантами погонными
И деньжатами прогонными
Веселитесь въ губерніи
Хулиганы мрачно-черніи!
Спи спокойно, Русь великая!
Ѣдетъ сила, сила дикая!
Этой силы не убавилось.
А порядка не прибавилось...
Во Черниговъ, во Саратовъ, во Тамбовъ
Выпускаютъ изъ столицы соколѣвъ.
И летятъ они посольники,
Молодцы анти-кармольники...

СИЛА ДВОЯНИНОВИЧЪ

И. И. Фролов (Мас)

Про И. Местополов (Милосерд)

Благодѣяніе.

— Достали мнѣ мужика?—спросилъ князь.

— Ваше сіятельство, къ одной бабѣ... судимойка такая... пришелъ своякъ, недавно изъ деревни вернулся... мѣста ищеть... Прикажете?

— Ну, да, да! Позовите его ко мнѣ!

Привели мужика.

— Сядьте! Прошу васъ!—сказалъ князь, указывая на стулъ.

Мужикъ долго не хотѣлъ сѣсть, но князь сдѣлалъ такое строгое лицо, что у бѣднаго свояка заурчало въ желудкѣ, и онъ сѣлъ.

— Вы читали новый указъ сенату? Да? Самый новый по крестьянскому вопросу? Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»? Да?

— Неграмотные мы-съ!

— Жаль! Тамъ говорится о томъ, что смута проникла въ селенія, что вы, крестьяне, чините насилія, своеволия, самоуправства, что властямъ предписано карать и прекращать!

— Такъ точно! Только я въ городѣ давно-съ! Я изъ селенія своего, стало быть, давно ужъ! И никого не каралъ! Не каралъ-съ!

— Нѣтъ! Вы не то! Караетъ власть и за это ее не наказываютъ! Понимаете? Карать можно!

— А я, ваша милость, никого не каралъ!

— Не въ томъ же дѣло! Въ законѣ написано, что насилія и преступленія не ухудшаютъ вашего положенія...

— Ужъ куда ужъ! Самое настоящее положеніе!

— Ну, да, да! Теперь власть нашла нужнымъ уменьшить выкупные платежи! Понимаете, что такое выкупные платежи?

— Такъ точно-съ! Выкупные—это, какъ есть выкупные... на года, значить...

— Вотъ-вотъ! Какой вы сознательный мужикъ!

— Такъ точно-съ! Не цю-съ...

— Такъ теперь приказано выкупные платежи сначала уменьшить, а затѣмъ вниманіе оныхъ вовсе прекратить...

— Понимаемъ-съ! Еще я, ваша милость, мальченкой былъ, такъ про то самое писали... Чтобы уменьшить и вниманіе и все прочее...

— Да, да! Тогда писали газетчики, ти смутьяны, эти—нехорошіе люди... А теперь правительство само дошло до этого...

— Смутьяны-съ! Истинно!

— Т. е. кто это?

— Онъ-съ! Они самыя...

— Гм... Да! Вы такъ неясно выражаетесь... Такъ вниманіе будетъ уничтожено. Правительство пребываетъ и уповаешь! Поняли? Помимо сего, крестьянскій поземельный банкъ получаетъ ссуду и будетъ выдавать деньги крестьянамъ... Вы придете въ банкъ, и вамъ дадутъ...

— Выгонять-съ, ваша милость!

— Дадутъ, я вамъ говорю! Скажите же мнѣ прямо и откровенно: какъ вы относитесь къ такимъ реформамъ? Прямо!

— Оно, ваша милость, все такъ...

— Ну, ну... Не смущайтесь!

— Еще мальченкой былъ... Пятнадцать годовъ, поди, тому назадъ все про это сказывали...

— Ну, да! То смутьяны разные, а теперь само правительство! Ну?

— Смутьяны-съ! Истинно это! Смущаютъ все... а стало быть... кобыла пала, жить нечѣмъ, земля у насъ кака! Извѣстно! Вотъ и пошелъ въ городъ!

— Такъ вы не крестьянинъ?

— Крестьянинъ-съ!

— Такъ зачѣмъ-же въ городъ?

— На фабрику... Жить нечѣмъ!

— Такъ вы—соціалъ-демократъ?

— Чего-съ?

— Вы аграрій?

— Не могу знать-съ! Я и такъ на какое мѣсто согласенъ, ежели по дому,

али въ дворники, извозчикомъ тамъ... Все равно-съ...

— Я васъ не понимаю! Но новый законъ! Вы понимаете? Законъ, благодѣтельный для крестьянства! Преуспѣяніе! Чего вы на меня уставились? Новое законоположеніе! Зачѣмъ вы встали? Сядьте! Сядьте-же, говорю вамъ? Надо чувствовать благодареніе... Ступайте въ деревню и расскажите всѣмъ, что правительство помнитъ о крестьянхъ! Ступайте въ деревню!

— Мнѣ бы... мѣстечка... жить нечѣмъ...

— Уберите его вонъ отсюда! Унесите его! Откройте всѣ форточки и вентиляціи! Животные! Вотъ и старайся для нихъ! Какъ далеко пошла крамола на Русь!

Мужика вывели поды руки изъ кабинета князя.

ЗРИТЕЛЬ.

К. И. Раевъ (машинистъ)

Пѣвецъ.

Онъ былъ пѣвцомъ приниженныхъ, маленькихъ людей. Онъ пѣлъ о свѣломъ будущемъ, и пѣсни его смѣшивались съ брильянзомъ оковъ. Онъ долго пѣлъ... И наконецъ мигъ насталъ! Сброшены оковы, разбиты двери въ темницахъ... Впереди борьба за отвоюванную свободу. Борьба не на жизнь, а на смерть! Новыхъ гимновъ!...

Но пѣвецъ молчалъ. Его пѣсня была пѣсней рабовъ. И для свободныхъ людей у него не было пѣсенъ звуковъ.

И онъ бѣжалъ, и никогда его больше не видѣли... А свободный взялъ струну изъ разбитой лиры и натянулъ ее на свой лукъ. Мощно задрожала струна и послала по землѣ свой призывъ... И побѣдный кличъ звучалъ:

За свободу! За свободу! Душа пѣвца вернулась и ведетъ насъ! Довольно прежнихъ пѣсенъ! За дѣло! Впередъ, товарищи! За свободу!

И могучіе звуки неслись къ небу и таили въ лазури...

К. ОСТРОЖСКИЙ.

К. С. Гоголь (машинистъ)

Патриотическая манифестация в Москве на Ломоносовской площади 22-го Октября 1905 года

Из неоконченной баллады.

— Превосходительный министр!
Мой Редигер почтенный!
Ты слышишь? Пролетариатъ—
Рабочій дерзновенный,
Вдругъ выставляешь лозунгъ свой:
«Судъ полевой долой!»
Долой!»

А я-то какже? Мнѣ куда-жь?
Я—ставленникъ твой вѣрный,
Мной Треновъ даже дорожилъ,
Я былъ палачъ примѣрный;
И вдругъ... Ты слышишь лозунгъ злой:
«Назнъ смертнуну долой!»
Долой!»

Мой господнитъ, глава, министр!
Я—Павловъ твой послушный!
Военный главный прокуроръ,
Слѣпой, глухой, бездушный!
На все готовъ... Чу! звукъ глухой:
«Военныхъ власть долой!»
Долой!»

О, прикажи! О, повели
Безъ лишнихъ разговоровъ!
Не мало судей у меня,
Довольно прокуроровъ!
Я выставляю лозунгъ свой:
«Рабочихъ всѣхъ долой!»
Долой!»

Что слышу я? Ужежъ нельзя?
Нельзя всѣхъ перевѣшать?
О, если такъ, тогда хочу
За все себя утѣшить:
Меня подъ судъ и подъ разстрѣль,
Своей я крови захотѣлъ,
Я крови жажду, крови...
(Павлову даютъ 10 тысячъ на ремонтъ
казенной квартиры и онъ успокаивается).

ЛЮТЕРАНИНЪ.

На ходу.

Иностранцы до сихъ поръ говорили:
„поскоблите русскаго—окажется та-
таринъ“; а теперь мы ужъ сами ска-
жемъ: „раздѣньте черносотенна—ока-
жется городской либо жандармскій
офицеръ“.

Вопросы и отвѣты.

— Что такое: булга?
— По словарю Даля: дубина.

— Въ чемъ писатель долженъ
полагать высочайшую для себя на-
граду?

— Въ томъ, чтобы о каждомъ его
сочиненіи читатель могъ сказать: про-
челъ съ удовольствіемъ!

— Заслуживаетъ ли довѣрія наше
новое правительство?

— Чѣмъ же оно хуже старого!
САМОДУМЪ:

Родственники.

„Братцы забастовщики!
Станьте на работушку!
Бросьте смуту лютую,
Пожалуйте дѣтушекъ!
Братцы! прочъ совѣтчиковъ!
Министерство новое
Вамъ приуготованно:
Отношенья правыя
Между вами, братцами,
И межъ фабрикантами
Министерствомъ вводятся...
Дайте, братцы, времячко,
Долго—ли, коротко—ли,
Сдѣлаемъ возможное!
Слушайте совѣтчика,
Къ вамъ расположеннаго
И добра хотящаго
Братца-вамъ родимаго,—
Графа Витте славнаго!“

Тотчасъ по прочтеніи
Словъ такихъ внуши-
тельныхъ

Трубы всѣ фабричныя
Въ одинъ голосъ грянули:
„Хо-хо-хо хохонюшки!
Невъ родствѣ мы съ
графами!“

Грянули и смолкнули.
Только эхо звонкое
Этотъ хохотъ каменный
Разнесло по фабрикамъ...
И повсюду носится
Хохотъ оглушительный,
Хохотъ забастовочный:
„Хо-хо-хо-хохонюшки!

Потерянная честь.

Нѣкій военачальникъ потерялъ свою
честь и пошелъ ее разыскивать.

По дорогѣ онъ встрѣтилъ своего
подчиненнаго, но этотъ послѣдній
шелъ, углубленный въ свои мысли, и
не замѣтилъ своего начальника.

— Почему ты не отдаешь мнѣ
честь? — закричалъ на него военачальникъ и ударилъ его по головѣ.
Услыхавъ это, сбѣжался народъ и
сказалъ военачальнику:

— Если ты потерялъ честь свою,
то не ищи ея у твоего подчиненнаго
ХРЪНЪ.

Акулина и кондукторъ.

Посвящается Россійскимъ Акулинамъ.

Въ углу сидѣла Акулина
Ждала.
Какъ вдругъ застучала машина
Пошла...
Какъ спохватилась наша баба
«Ахти!»
Али спросить мнѣ кондуктора
Пойти...
Туда-ли сѣла ненарокомъ?!.
Бѣда!..
Вишь, дура баба спохватилась
Когда...
Идетъ машина полнымъ ходомъ—
Гляди!
Теперь попробуй-ка, разиня,
Сойди!
Ужъ, видно, надо покориться
Судьбѣ...
Сидѣть бы дома, Акулина,
Тѣбѣ!..

Къ авторамъ.

Получаемыя нами рукописи почти
всегда неудовлетворительны по вѣщ-
ности. Ихъ надо вновь переписывать
на пишущей машинѣ и только
послѣ этого сдавать въ наборъ. Все
это отнимаетъ и трудъ, и время. По-
этому мы настоячиво просимъ забо-
титься о вѣщности рукописей и
писать ихъ разборчиво.

Просимъ также имѣть въ виду, что
авторы не должны откладывать на те-
мѣ, такъ или иначе затронутыя нами
Такія вещи помѣщаться не будутъ.

Редакторъ-издатель Ю. К. Арцыбушевъ.

З Р И Т Е Л Ь

Подписная цѣна съ № 17 до 1-го Января 1906 г. ОДИНЪ рубль съ доставкой и пересылкой.На 1906-й годъ съ пересылкой и доставкой ТРИ рубля.

„Зритель“ будетъ выходить отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю размѣромъ отъ 8 до 16 страницъ. Количество рисунковъ будетъ увеличено Цѣна остается та же.

Рукописи доставляемыя въ редакцію, ни въ какомъ случаѣ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ. Письменные отвѣты для редакціи НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ. Приемъ по дѣламъ редакціи ЕЖЕДНЕВНО отъ 6 до 7 час. вечера.Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровский просп., домъ № 13. Телефонъ № 238—62.
Издатели: Ю. К. АРЦЫБУШЕВЪ, Г. Е. ГИНЦЪ, И. Я. КАГАНЪ, Н. И. ФАЛЪЕВЪ.

Типографія Я. БАЛЯНСКАГО. Спб., Забалканскій пр., 18.